

Привидения в доме на Дорнкрацштрассе

Бибер Оллард

Оллард Бибер

**Привидения в доме
на Дорнкрацштрассе**

«Автор»

2023

Бибер О.

Привидения в доме на Дорнкращтрассе / О. Бибер — «Автор»,
2023

Пятая книга из серии детективных романов о сыщике Максе Вундерлихе. К Максy приходит девяностолетний клиент. Он обращается к сыщику с неожиданной просьбой, которая, на первый взгляд, не имеет ничего общего с криминалом. Тем не менее рассказанная стариком история показалась сыщику соблазнительной для расследования. Начало истории уходит корнями во вторую мировую. Выслушав рассказ старика до конца, Макс понимает, что информация, весьма вероятно, касается жизни его собственного деда. С новой помощницей Катрин Бергер сыщик робко делает первые шаги на пути установления истины. Оказалось, что криминала в деле, за которое он взялся, более чем достаточно...

© Бибер О., 2023

© Автор, 2023

Оллард Бибер

Привидения в доме на Дорнкращтрассе

Возможные совпадения имен и названий в этом романе с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.

Прошлое не возвращается – оно просто следует за нами в будущее, чтобы, притаившись там, однажды снова заключить нас в свои цепкие объятия.

1

– Господин Вундерлих¹⁾, господин Вундерлих, – неуверенно позвал чей-то голос и повис в полуденном зное.

Макс не сразу сообразил, что зовут его, но оглянулся и сразу понял, что голос мог доноситься только из газетного киоска. Возле киоска не было ни души, но из окошка торчала вихрастая голова Хуго, молодого киоскера, у которого Макс часто покупал газеты. Вот и сейчас, пожалуй, Хуго хочет предложить сыщику непроданные номера "Бильда". Хуго неплохо знал Макса и помнил, что тот часто интересуется криминальными новостями, которых в газете было предостаточно. Сыщик лениво подошел к киоску.

– Привет, Хуго. Ты еще не расплавился в своем аквариуме?

– Если бы так, господин Вундерлих, если бы это был аквариум! А то ведь ни капли живой влаги кроме пота, обильно струящегося по моему телу. Да вот кола, которую непрерывно вливаю в глотку.

– А вот это напрасно. Кола тебя не спасет, налегал бы лучше на минералку. Ничего-то вы, молодые, не понимаете.

Хуго не стал спорить, лишь кисло улыбнулся:

– Вы, как моя мать, та тоже вечно бурчит на эту тему.

Макс оставил бесполезные нравоучения и спросил:

– Ну что, хочешь предложить свою макулатуру?

– Это как посмотреть: для кого-то это макулатура, а для вас источник информации. Уж я-то знаю, как вы порой лихорадочно листаете старые номера и, согласитесь, частенько не без пользы.

Пришлось кивнуть головой, и обрадованный Хуго полез под прилавок и очень скоро выложил перед Максом увесистую стопку номеров "Бильда". Обычно он не брал с сыщика денег, но Макс всегда давал парню пару евро. Вот и сейчас он, порывшись в кармане джинсов, извлек монету в два евро и сунул в руку Хуго. Тот, как всегда, запротестовал, потом сказал:

– Ладно уж, скоро пойду обедать и выпью кофе за ваше здоровье.

Макс встрепнулся:

– Минералку, приятель, минералку. Какой кофе в такую жару! Я вот тоже с Цайля²⁾ иду – ничего существенного в горло так и не влезло. Какой-то бутерброд едва осилил и запил все это минералкой. Сейчас приду в офис, включу вентилятор и ничего не буду делать.

– Завидую, – сказал Хуго и добавил. – А мне в моей стекляшке от солнца некуда деться.

Последние слова киоскера Макс уже не слышал. Держа под мышкой скруток из старых газет, он двинулся в свой офис на Шиллерштрассе. До офиса было рукой подать, но палящее солнце делало свое дело, и он едва преодолел расстояние за четверть часа. Шиллерштрассе, обычно шумная в этот час, была безлюдной. Редкие прохожие жались к стенам домов, прячась в тени козырьков магазинов и палаток. Макс задержался на углу и купил пару бутылок минералки. Пока продавец исполнял заказ, бросил взгляд в сторону массивной двери здания,

в которую через пару минут он войдет, чтобы попасть в офис. Возле двери крутился старик, читавший надписи на бирках возле кнопок звонка. На носу старика смешно сидели очки, он то отступал от двери на шаг, вертел головой, то снова приближался к кнопкам. Макс подумал, что было бы совсем некстати, если бы именно его кнопку в бронзовом обрамлении искал старик. Сегодня он никак не был настроен на беседу с новым клиентом. Старик еще немного потоптался и, опираясь на палку с черной ручкой, медленно двинулся дальше по Шиллерштрассе. Макс облегченно вздохнул, повернулся к продавцу и забрал приготовленные бутылки.

В офисе он сразу же включил вентилятор и только потом плюхнулся на диванчик с зажатой в руке бутылкой. Долго пил, не отрывая горлышко ото рта. Потом прикурил сигарету и откинулся на спинку диванчика. Стало гораздо легче. Лопасты вентилятора не только вращались вокруг горизонтальной оси, но и все вместе делали пол оборота вокруг вертикальной. В левой крайней точке вентилятор подхватывал табачный дым и уносил его куда-то под потолок, в правой крайней воздушный поток попадал как раз на разгоряченное лицо Макса. И это было великолепно. Лицо избавилось от липкого пота, а в голове завертелись какие-то мысли. И первой была все та же, которая приходила в последнее время всякий раз, когда голова не была занята очередным расследованием. Уже четвертый год он работал без помощника и четвертый же год размышлял над тем, как обзавестись новым. Бывшая помощница Мартина Хайзе ушла и наконец-то вышла замуж. И это замечательно. Не держать же ее возле себя вечно. Она, конечно, думала иногда, что у них еще может получиться. Чего греха таить, и он иногда подумывал об этом же. Не вышло. Да и ладно. Правда, немного обидно – за все это время позволила лишь однажды. Как ни в чем не бывало, со своим обычным: "Хай, Максик. Ты у себя на Бейкер-стрит? Чем занимаешься?". Вроде они только вчера вечером расстались. Она такой всегда была. А сегодня у него нет никакой. Макс задумался, наклонился и затушил в пепельнице сигарету. Женится ли он когда-нибудь? Женщины у него, конечно, есть. Но есть ли среди них жена? Вопрос сложный, почти неразрешимый. Помощник нужен позарез... Эта мысль была последней перед внезапным звонком в дверь. Макс даже дернулся всем телом от неожиданности. Баловством это быть не может. Кому придет в голову так шутить в такую жару? Он вскочил с диванчика и вышел в полумрак вестибюля. Открыл главную входную дверь и некоторое время постоял, прикрыв глаза от яркого света, хлынувшего с улицы. Кто-то осторожно покашлял. Макс открыл глаза. Перед ним стоял тот самый старик, которого он заметил, когда покупал минералку. Почему он снова здесь? Старик еще раз прокашлялся и сказал:

- Прошу прощения, молодой человек, мне нужен Макс Вундерлих. Знаете такого?
- Если вы нажали кнопку с этим именем, то почему вы спрашиваете?

Старик смутился:

- Скорее для порядка. А с другой стороны, вы же могли кого-то послать открыть дверь.
- Вам не откажешь в логике, господин...
- Меня зовут Пауль Ботт.

– Отлично, господин Ботт. Я уже давно здесь один. Так что перед вами Макс Вундерлих собственной персоной.

Старик несказанно обрадовался:

- Вы-то мне и нужны.
- Пойдемте, господин Ботт. Только осторожно, у нас здесь не очень светло.

В комнате старик наконец пришел в себя, бесцеремонно оглянулся по сторонам, оценивая обстановку, и неожиданно сказал:

- Замечательно. Настоящий немецкий офис – всего в меру, ни одного лишнего предмета.
- Вообще-то я швейцарец, господин Ботт.
- А я знаю, – как ни в чем не бывало, парировал старик.

Брови Макса поползли вверх:

- Откуда же, господин Ботт?

– Все очень просто. Вы вели дело о мошенничестве, по поводу которого примерно год назад обратился потерпевший Густав Винк?

Макс наморщил лоб:

– Да, помню. Хитроумное было дело.

– Вот именно, и вы доблестно решили задачу. Об этом мне рассказал сам Густав. Мы с ним соседи.

– Он же и рассказал вам, что я швейцарец?

– Ну да. Вы же не делаете из этого тайны?

– Ни в коем случае, господин Ботт. Так вы, стало быть, ко мне по рекомендации моего бывшего клиента? Вас тоже кто-нибудь надул?

– Ни в коем случае, господин Вундерлих. Меня надуть трудно. Я здесь потому, что вас зовут Макс Вундерлих и вы швейцарец.

Макс растерянно смотрел на старика. Тот был худ. Лицо его изрезали глубокие морщины. Волос на голове было мало. Одет он был старомодно: широкого покроя пиджак и брюки были сшиты – решил Макс – из парусины. В то же время он подумал, что такой выбор одежды вполне оправдан сегодняшней жарой. Из-под пиджака выглядывала голубая футболка с изображением Арнольда Шварценеггера, что – по мнению Макса – уж никак не вязалось со старомодными сандалетами на босу ногу. Старик опирался на палку с черной ручкой, и Макс решил, что ему лет девяносто, не меньше. Он спохватился:

– Присаживайтесь, господин Ботт.

Старик кряхтя уселся на диванчик и посмотрел на Макса серыми молодыми глазами.

– Еще орел, – подумал Макс. – Ветеран, пожалуй.

Он сел на другой конец диванчика и, развернувшись к старику, сказал:

– Господин Ботт, насколько я помню, ваш сосед Винк живет где-то в деревне под Ингельхаймом. Вы тоже приехали оттуда? Далековато от Франкфурта. Наверное, трудно для вас в такую жару и в вашем возрасте.

– Мы, старые солдаты, еще тянем, хотя наши ряды редеют. Мало нас осталось. Вот и я поторопился, очень хотел с вами встретиться.

Максу все еще было непонятно, что нужно старику, и он осторожно сказал:

– Изложите суть дела, господин Ботт.

– История длинная и печальная, господин Вундерлих.

– Я в этой комнате выслушал немало разных историй, и счастливая среди них не попалась ни разу. Такая у меня работа.

Старик выпустил из руки палку и пристроил ее, оперев ручкой на край диванчика. Немного прокашлялся и начал:

– В конце войны, когда мы уже спешно отступали под напором русских на запад, я попал в американский плен. Мы считали это в то время большим счастьем по сравнению с возможным пленением русскими. Думаю, вам понятно, почему. К июню 1945 года пленных солдат вермахта скопилось столько, что американцы не знали, что с нами делать. Нас некуда было девать. Уже велись переговоры с французами и британцами о приеме большей части пленных. А пока нас разместили на западном берегу Рейна, распределив в двух десятках временных лагерей. Назвать это лагерями можно было с большой натяжкой – просто территории, окруженные колючей проволокой. Мы жили там под открытым небом, а чтобы как-то ночевать, рыли ямы. Инструмента для этого не было, и мы рыли как придется – кто с помощью найденных консервных банок, кто с помощью острых палок и собственных рук. В одиночку часто не удавалось справиться с такой задачей, и мы объединялись в мелкие группы. Я тоже подобрал себе камаерада³⁾, вместе с которым мы вырыли одну яму на двоих. В ней и ночевали. Разумеется, она не спасала от дождя или палящего солнца, но была какой-то защитой от ветра по ночам. За ночь пропитанная "антивошной пудрой" униформа отсыревала и прилипала к телу, – старик

задумался, прокашлялся и спросил. – Господин Вундерлих, вы знаете, что такое "антивошная пудра"?

Макс отрицательно покрутил головой, и старик сразу же продолжил:

– Так солдаты шутливо называли обычный дуст, который выдавался для защиты от вшей. Веселенькая, скажу вам, была процедура. Из этих ям мы выползали по утрам как мокрые курицы. Слава богу, тот июнь 45-го был жарким. К полудню мы кое-как просыхали, а ночью снова лезли в сырые ямы. Кормили нас отвратительно. Американцы готовили, например, суп. Делали они это так: разбавляли итальянскую томатную пасту из банок кипятком – и суп готов. Мы его просто пили. Давали и хлеб, иногда даже белый. Мы съедали его, едва успев получить. Думаю, не требуется добавлять, что мы едва таскали ноги и выглядели как форменные дохляки с ввалившимися грязными небритыми щеками. Пленные добавлялись каждый день, и почти каждый день американцы устраивали утренние построения по полной форме, – старик замолчал, чтобы перевести дух, а Макс с интересом спросил:

– Что это такое, господин Ботт, "по полной форме"?

Старик изобразил некое подобие улыбки:

– Мы раздевались до пояса и так стояли, подняв вверх вытянутые руки. Одним словом, так, чтобы были видны подмышки. Несколько сотрудников лагерной администрации ходили между рядами и рассматривали наши подмышки. Они искали там возможные татуировки, которые делались членам СС. Вероятно, вы знаете, что СС была объявлена преступной организацией. Вот тогда, господин Вундерлих, я поблагодарил судьбу, что не пошел в СС, а ведь собирался.

Максу становилось все интереснее, хотя он пока не мог взять в толк, как вся эта история придет, наконец, к какому-нибудь завершению, связанному с его профессиональной деятельностью. Ведь вряд ли старик попросит его о каком-нибудь криминальном расследовании, происходящем из тех времен. Возможные фигуранты из того времени либо вымерли, либо, если кто-то и сохранился, находятся в возрасте его сегодняшнего собеседника. Он осторожно спросил:

– Господин Ботт, а почему вы не попали в СС?

– Тут все очень просто – не прошел медицинскую комиссию.

Макс еще осторожнее спросил:

– А почему вы хотели в СС?

– Ну как же, господин Вундерлих? Я был молодым, а молодых тянет к лучшему – ведь войска СС считались элитными подразделениями. Об этом трубила пропаганда. Мы прошли школу гитлерюгенда⁴⁾ и верили в фюрера. В СС меня не взяли, но я все равно пошел в армию, правда в вермахт⁵⁾. Я начал служить с 1940 года. Вторая мировая уже бушевала. Я попал в войска связи, так как до призыва был радиомехаником. О моей службе и войне можно рассказывать долго, – старик почему-то засопел и закашлялся.

Макс же подумал, что рассказ о военной службе старика наверняка не позволит прийти сегодня к логическому завершению всей этой истории. Он поспешил сказать:

– Господин Ботт, вы рассказывали о том, что вас строили "по полной форме" с целью выявления членов СС. Давайте вернемся к этому эпизоду.

Старик согласно закивал, хотя на его лице обозначилось явное недовольство. Но он быстро с этим справился, и лицо его снова обрело строгое выражение.

– Как-то ночью я долго не мог уснуть, забылся лишь под утро. Помню, мне еще приснился сон. Сладкий сон, господин Вундерлих. Мне снился родной дом, отец и мать за воскресным столом, и я, уплетающий свиную ножку. Немудрено, что я проспал побудку. Меня растолкал Стефан, мой сосед по яме. Он рассказал, что рано утром приехали несколько "виллисов" с американскими офицерами и есть большие чины. Мы решили, что будет очередное построение "по полной форме". Но когда мы стояли редкими рядами в отведенном месте и ждали команду

раздеться до пояса, к коменданту лагеря вдруг подбежал один из приехавших американских чинов и на чистом немецком языке стал зачитывать сообщение лагерной администрации. Из этого сообщения следовало, что в ближайшие дни начнется освобождение из лагеря военнопленных, не вызывающих политических подозрений в принадлежности к преступным организациям третьего рейха и относящихся к категориям, подлежащим освобождению из гуманитарных и хозяйственных соображений. Под названными категориями понимались прежде всего дети-солдаты⁶⁾, а также специалисты, важные для восстановления разрушенной экономики. Сюда относились, в первую очередь, сельскохозяйственные рабочие, шахтеры и водители грузовиков.

Старик снова замолчал, а Макс сказал:

– Как я понимаю, вы не относились ни к одной из названных категорий.

– Ошибаетесь, господин Вундерлих. А все потому, что не пожелали выслушать мою служебную историю. В войсках связи я в определенный момент попросился на курсы водителей грузовиков. Ротный пошел мне навстречу. Вот так я стал водителем грузовика. Возил кабельные катушки и прочую связную утварь. Когда было нужно, мог заменить штатного связиста. А когда мой грузовик наскочил на мину, а я чудом остался жив, то я целый месяц был обычным связистом. Потом ротный достал для меня другой грузовик. Так что в бумагах и в солдатской книжке я числился водителем грузовика. Правда, перед самым американским пленением у меня уже не было ни грузовика, ни даже простой телефонной катушки. Я попал в пехотную роту, в составе которой и загребел на западный берег Рейна под конвоем американских солдат.

Макс поторопился вставить:

– Извините, господин Ботт. Итак, на вас обратили внимание как на водителя грузовика?

– Вот именно. Тогда же, во время той переклички, были названы фамилии военнопленных, которым надлежало сразу после завтрака явиться в большую палатку, где начальство рассматривало кандидатов на освобождение. Среди них был и обер-ефрейтор Пауль Ботт. Мне повезло, и сейчас вы поймете, почему. Через некоторое время, как мне стало потом известно, волна освобождений схлынула, а оставшиеся камерады попали во французские или британские лагеря. Их судьба была менее удачной. Некоторые не вернулись, а те, что вернулись, получили освобождение не очень скоро.

Итак, я вернулся к нашей яме и рассказал Стефану, что в ближайшие дни буду освобожден. Он взгрустнул. Мы привыкли друг к другу, по ночам спасались от холода, прижавшись телами. Стефан посидел немного, опершись спиной на стенку ямы. Предварительно он подложил под спину и под задницу развернутую шинель. Мы так всегда делали, когда хотели передохнуть. Потом он внезапно вытащил из-под себя шинель и, прощупывая подкладку, вытащил из-под нее какие-то предметы. Да и предметами это можно было назвать с натяжкой. Я понял, что это фотография и маленькая иконка. Я с удивлением посмотрел на все это и подумал, что Стефану повезло, что при помещении в лагерь сокрытое не обнаружили американцы. Обычно они все забирали. Стефан подвинулся ко мне и вполголоса заговорил:

– Пауль, я хочу рассказать тебе о рядовом военном событии, которое тем не менее оставило глубокий след в моей памяти. Я до сих пор жалею о содеянном. Всему причиной – животный страх за свою жизнь, который преследовал меня в течение всей войны, несмотря на то, что я пошел в вермахт добровольно. Это случилось на восточном рубеже рейха, который к тому моменту уже преодолели русские. Мы отступали. В одном из боев местного значения нашу роту опрокинули русские, и все камерады драпанули. Русские стремительно устремились за ними. Взрывной волной меня отбросило куда-то в сторону левого фланга. Меня никто не заметил – ни свои, ни русские. Помню, я очухался достаточно быстро. Но преследование наших русскими, пожалуй, произошло так быстро, что когда я открыл глаза, вокруг меня уже не было никаких действий. Было убийственно тихо. Я ощупал себя – цел. Мой "шмайссер" в полном порядке. Я раздумывал, что делать дальше. Я понимал, что нахожусь в тылу русских и мне грозит плен.

Этого мне очень не хотелось. Оставалось только как-то незаметно двигаться в сторону моей отступившей роты. Вдруг перед моей траншеей возник русский. Сначала он меня не видел, так как я находился не прямо перед ним. Я потихоньку взвел свой "шмайссер", но он услышал и резко повернулся на звук. Это был лейтенант. Через плечо у него висела полевая сумка, оружия в руках не было. Видимо, он был из того подразделения, которое преследовало наших. Он шел за подразделением, но отстал. Теперь беспечно продолжал движение вперед. Его пистолет был в кобуре. Он даже насвистывал в тот момент. Но сразу перестал, когда услышал звук затвора "шмайссера". Русский уставился на меня и понимал, конечно, что преимущество на моей стороне. Он даже не попытался вытащить пистолет. Не могу представить, о чем он тогда думал. Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами. В его глазах было то же, что он, думаю, видел в моих – нелепость ситуации. И страх за собственную жизнь я там тоже увидел. К тому времени мне уже было понятно, что третий рейх потерпит поражение, а продолжение войны ведет лишь к новым жертвам, которых требовал бесноватый фюрер. Я подумал, как некстати мне и этому русскому умирать в самом конце войны, и размышлял, как нам выйти из этой ситуации, как мирно разойтись в немирное, собственно, время. Его рука шевельнулась, и я подумал, что он хочет выхватить пистолет. Животный страх снова охватил меня и я выпустил в него очередь. Он рухнул как подкошенный. В горячке я стащил его полевую сумку и бросился бежать в сторону отступивших наших и преследовавших их русских. Я уже ни о чем не думал. Я боялся, что русские заметят меня и отомстят за смерть лейтенанта. Мне повезло. Блуждая до самого вечера, прячась за каждым кустом, я все же вышел незамеченным на новые позиции какой-то нашей недобитой роты. С этой ротой я и "довоевал" вплоть до самого пленения американцами. Да и какое это пленение! По сути дела, мы сдались сами. Незадолго до пленения я распотрошил сумку лейтенанта. Там не было ничего достойного внимания. Я взял только это и, признаться, не знал, зачем. Могу сказать только, что меня потом мучила совесть и иногда я подумывал, что, может быть, после войны как-то удастся разыскать родственников лейтенанта и передать эти вещи как память о его последних минутах. Хотя совершенно не представлял, когда и как это может произойти.

Старик замолчал, задумался. Словно снова переживал тот разговор с соседом по яме в жаркий июньский день 45-го. А Макс подумал, что убийство на войне вряд ли можно отнести к криминалу. Сколько их тогда произошло! Старик явно еще не закончил. Может быть, самое главное впереди? Сказал:

– Как я понимаю, господин Ботт, это еще не конец истории?

Старик кивнул и продолжил:

– Тогда же мы со Стефаном рассмотрели фотографию и иконку. На фотографии были сняты люди. Они сидели двумя рядами. Стефан еще показал, что левый крайний в нижнем ряду и есть убитый им русский. На обратной стороне фотографии есть несколько слов, написанных, безусловно, по-русски. Иконка обычная, не представляющая, скорее всего, какой-то музейной ценности. Стефан попросил меня забрать эти предметы, так как понимал, что попадет, скорее всего, в британский или французский лагерь и эти вещи могут бесследно сгинуть. Он так и сказал:

– Возьми это с собой. Ты через пару дней будешь на свободе. Не представляю как, но, может быть, тебе удастся что-то сделать, что облегчит мою душу, пусть и на том свете. Если даже я останусь в живых, сомневаюсь, что мы еще увидимся.

В комнате надолго повисла напряженная тишина. Старик поправил свою палку с черной ручкой. И было понятно, что сделал он это просто для того, чтобы снять напряжение от только что мысленно пережитого. А Макс подумал, что старик переживает это не впервые, что эти сцены часто сняты ему по ночам. Чтобы как-то заполнить возникшую паузу, спросил:

– Вы курите, господин Ботт?

Старик посмотрел на него и с вымученной улыбкой на лице сказал:

– Вообще-то я бросил. Здоровье уже не то. Но по такому случаю составлю вам компанию.

Макс все еще не понимал, какой особый случай сегодня у старика, но взял со стола пачку сигарет и вытащил оттуда две. Одну дал старику, другую взял себе. Старик закашлялся. Пожалуй, потому, что уже давно не курил. Макс снова включил вентилятор, который он остановил, когда старик начал свой рассказ. Они еще немного помолчали, при этом каждый сидел неподвижно и смотрел в одном выбранном им направлении. Первым зашевелился сыщик. Его разбирало любопытство, что же будет дальше. Спросил:

– И что же дальше, господин Ботт?

– А ничего особенного. Эту фотографию и иконку я принес с собой. Вот они.

Он залез во внутренний карман своего старомодного пиджака и выложил перед Максом старое пожелтевшее фото и иконку. Иконка и в самом деле была совсем простой. На ней был изображен – решил Макс – какой-то святой. На фото в два ряда, как и сказал старик, сидели люди. Макс некоторое время рассматривал крайнего слева в первом ряду. Ведь сосед по яме сказал старику, что это тот русский. Этот русский на фото был одет в цивильное. Ничего удивительного – лейтенантом он мог стать потом. На обратной стороне фото были написаны слова на кириллице. Надпись, безусловно, была сделана по-русски. Слова, в принципе, можно было прочесть, но сыщик Вундерлих не знал русского языка. Он решил, что там простое перечисление фамилий сфотографированных людей. Макс покрутил фото в руках и без всякого энтузиазма сказал:

– Сказать честно, господин Ботт, не очень понимаю, что с этим делать.

Старик отчаянно посмотрел на него:

– Разве мало этих исходных данных?

– Для чего?

– Чтобы попытаться разыскать следы этого русского. Вполне возможно, что где-то живут его потомки.

Почти раздраженно сыщик сказал:

– Как я понимаю, за столько лет вы не предприняли ни единой попытки что-то где-то поискать или разузнать? О вашем соседе по лагерьной яме вы тоже, пожалуй, не вспоминали? А теперь вы решили, что некто сыщик Вундерлих этим займется. Не забывайте, что мое агентство существует на коммерческой основе и занимается расследованиями криминальных историй, заказанными моими клиентами. А ваш случай представляет собой скорее исторический интерес. Да и корни, как понимаете, тянутся куда-то в Россию.

Старик сидел на диванчике и обиженно сопел. Он не смотрел на Макса – взгляд его был устремлен в окно, за которым проходила изнывающая от зноя Шиллерштрассе. Наконец он успокоился, а Макс, который уже пожалел, что говорил со стариком на повышенных тонах, обрадовался. Не ровен час, станет старику худо – потом возись с ним. Старик повернулся к Максусу:

– Это правда, господин Вундерлих. За все это время я не изыскал возможности заняться этим вопросом. Разные, знаете ли, за это время случались обстоятельства. Всего не расскажешь. Виноват, что уж тут говорить. Прежде всего перед Стефаном. Я ведь ему обещал. Перед этим русским я себя виноватым никогда не чувствовал – не я же его застрелил. А вот когда я узнал от Густава о вашем существовании, решил попробовать исправить ошибку. Макс снова взорвался:

– Я уже вам все объяснил. Не по моей это части. Нет здесь криминала, как и нет заказчика, который все это оплатит. Даже если бы таковой и нашелся, все это обошлось бы в звонкую монету. Уж не вы ли этот заказчик?

– Ни в коем случае, господин Вундерлих. Я не ставлю перед вами такую задачу. Если я прав, а Стефан еще жив, то с ним вы и примете решение, надо ли вам этим заниматься. А моя совесть будет, наконец, чиста.

Макс уже вообще ничего не понимал. Он оторопело смотрел на старика. Потом вскочил и заходил по комнате, как делал всегда в минуты сильного душевного волнения. Наконец остановился, подошел к старику и, в упор глядя на него, сказал:

– Господин Ботт, заявляю вполне официально. Объясните по существу или я буду вынужден с вами расстаться.

Старик встал с диванчика так, будто собрался уходить. Но палку в руку не взял, а просто достаточно твердым голосом сказал:

– Дело в том, что моего соседа по лагерной яме звали Стефан Вундерлих и был он родом из Швейцарии. Вам это ни о чем не говорит?

Макс тяжело опустился на диванчик. Он чувствовал себя так, как будто кто-то неожиданно огрел его чем-то увесистым. Мысли тяжело ворочались в голове. За что это ему? Зачем это ему? Ну и денек! Старик ждал, по его лицу можно было понять, что он уверен, что попал в точку. Макс поднял голову:

– Могу лишь сказать, что так зовут моего деда и он по сей день живет в Швейцарии на ферме, принадлежащей моему отцу, его сыну.

Старик от радости плюхнулся на диванчик.

– Ну вот! С тех пор, когда Густав назвал имя сыщика и сказал, что он швейцарец, я ни минуты не сомневался, что вы родственник Стефана. Сын или, скорее всего, внук. Тогда я и подумал, что через вас выйду на Стефана. Как же мне повезло! Почти так, как тогда в июне 45-го, когда меня освободили как водителя грузовика.

Макс успокоился, взял себя в руки. Произнес типичные для ситуации слова:

– Господин Ботт, почему вы так уверены, что ваш Стефан из лагерной ямы и мой дед одно лицо. Мало ли Вундерлихов в Швейцарии! И некоторые из них могут быть Стефанами.

Старик изменился в лице:

– А возраст? Согласитесь, что ваш дед примерно одного возраста со мной.

– Ну да, ему за девяносто.

– Ну вот, как и мне. Я рад, что Стефан еще жив, хотя нам немного осталось. И в конце концов, ваш дед воевал? Вы не можете об этом не знать.

– Представьте, не знаю. Он никогда мне об этом не рассказывал. К тому же Швейцария нейтральная страна, она не участвовала в той войне.

– Официально, да. Но были швейцарские добровольцы. Стефан был одним из них.

– Этого не может быть, господин Ботт. Чтобы швейцарец и в вермахте... Европа стонала от вашего вермахта...

Старик заерзал на диванчике. Потом нахохлился как воробей и снова наскочил на Макса.

– Молодой человек, вас тоже охмурила пропаганда, как когда-то охмурила нас. Не все в Европе думали одинаково. Позволю заметить, и в России думали неодинаково. Пропаганда разъедает умы, особенно молодые. Она пролезает в каждую клеточку несовершенной человеческой души. Да что там души отдельного человека – она овладевает умами человечества! Не касайтесь нашей молодости. Она была такой, какой была.

Старик замолчал, собираясь с мыслями. Макс не успел парировать его последний атакующий монолог, потому что старик снова заговорил так, словно боялся, что ему не дадут высказаться.

– Послушай сынок, мы выполняли приказы, как это делали на протяжении тысячелетий в разные эпохи солдаты всех армий и всех народов. Разве были когда-нибудь армии, где солдаты без всяких для себя последствий мог бы отказаться выполнить приказ? Это проблема не солдата, это проблема человечества. А мы старые солдаты можем только молиться, чтобы это свинство никогда больше не повторилось, чтобы господь дал человеку больше разума.

Максу, наконец, удалось вставить несколько слов:

– Пламенная речь, господин Ботт. Но как она доказывает идентичность моего деда с лагерным Стефаном?

Старик пустил в ход последнее оружие:

– Скажи сынок, твой дед хромает?

– Да, на правую ногу.

– Ну, вот видишь, как раз в эту ногу был ранен мой Стефан из Швейцарии. В конце концов, ты прямо сейчас можешь позвонить деду и спросить, помнит ли он обер-ефрейтора Пауля Ботта.

Макс понял, что ему не удастся переубедить старика. К тому же он сам начал думать, что это может быть правдой – уж слишком много совпадений. Он взглянул за окно – на Шиллерштрассе опускался душный вечер. А старику еще надо добираться домой.

– Нет, мы не будем сейчас звонить, господин Ботт. Уже поздно, и я не хотел бы беспокоить деда. В ближайшее время я планирую поездку на родину. Давно там не был. Вот тогда и расскажу об этом деду. Ваши трофеи я, так и быть, забираю.

Старик успокоился.

– Забирай, сынок. Даже если случится невероятное и твой дед не совпадет с моим Стефаном, нового мне уже не найти. А эти трофеи пусть остаются у тебя. Ты им найдешь лучшее применение. Ты ведь сыщик. Но обещай, что если твой дед подтвердит все мною рассказанное, ты мне об этом сообщишь. Вот мой адрес в деревне под Ингельхаймом. И торопись, я все-таки не уверен, что почта на тот свет работает так же хорошо.

Макс проводил старика до порога и вернулся в комнату. Снова включил вентилятор и закурил. Долго рассматривал трофеи обер-ефрейтора Пауля Ботта. Потом подумал, что если все это правда, то это, скорее, трофеи Стефана Вундерлиха. Даже если дед добавит какие-то незначительные детали, ничего криминального из этой истории не "вырастет". Обычный малозначительный эпизод второй мировой, каких было немало...

2

Междугородный экспресс "Франкфурт-Берн", на который Макс купил билет, отправлялся в 14-50. Он взглянул на часы. Еще полчаса до отправления. Можно взять кофе в пластиковом стаканчике с крышечкой и минут пятнадцать поболтать по перрону, неспеша потягивая напиток через предусмотренное в крышечке отверстие. Это не очень удобно для губ, но зато защищает одежду от пролитого кофе, что вполне может случиться при использовании стаканчика без крышечки. Перрон гудит, пассажиры торопятся, легкие случайные столкновения почти неизбежны. Вот, например, торопится, отдуваясь, толстяк, тянувший здоровенный чемодан на колесиках. Макс посторонился. С этим точно лучше не сталкиваться – уж слишком не равны весовые категории. А вот две девчушки с рюкзаками за спиной. Они хоть и не такие толстые, как этот с чемоданом, но явно не замечают, что на перроне есть еще и другие люди. Что-то щебечут без умолку, глядя только друг на друга. Бог с ними, пусть проходят. Шарахаясь из стороны в сторону, Макс выдержал только минут десять, поболтал стаканчик и, поняв, что тот пуст, отправил его в ближайший мусорный контейнер.

В вагоне разыскал свое место, бросил на полку небольшой чемоданчик и, удобно уевшись, предался размышлениям. Итак, он едет на родину. Можно было, конечно, и полететь. Но захотелось (по старинке, как в добрые старые времена) на поезде. Да и что тут до Берна – четыре часа с минутами. А в Берне встретит младший брат Леон. На его машине и доберутся до их фермы в Альпах. При телефонном разговоре Леон обещал ничего не говорить остальным родственникам. Макс хотел, чтобы его приезд стал для них сюрпризом. Но уверенности, что Леон сохранит тайну, не было. В детстве он всегда ябедничал на Макса родителям. Правда, прошло много лет, и Леон уже давно взрослый мужчина.

Зачем он едет на родину? Ну как же? Он давно там не был. Ему хочется всех повидать, посидеть за общим семейным столом, как это бывало в его детстве и юности. А его любимый дед Стефан! Ему уже... Макс задумался и сразу же вспомнил старика Ботта, который недавно и совершенно неожиданно появился в офисе на Шиллерштрассе. Что это было? Просто какой-то бред. И было ли это? Безусловно, было. Иконка и фотография лежат в чемодане. Он еще раз проверил это перед выходом из дома. Нет, он конечно едет на родину не из-за этого "явления Христа народу" (так он неожиданно для себя назвал появление старика Ботта). Деду он, безусловно, обо всем расскажет. Интересно, как отреагирует старый дед Стефан?

Потом мысли переключились. Он снова стал думать о том, что у него нет помощника. Он сам в этом виноват. Разве он занимался этим в полную силу? Привык все тащить сам. Можно было бы дать объявление или прошвырнуться хотя бы к студентам на юридический... А это, кстати, мысль! Он поймал себя на том, что эта мысль посетила его впервые. Ну да, ну да... Макс взглянул в окно. За стеклом медленно уплывал франкфуртский перрон. Он даже не заметил, как тронулся поезд. И не мудрено – этот поезд всегда трогается очень плавно. Макс прикрыл глаза.

Проснулся он только тогда, когда поезд стоял в Базеле. Изумленно посмотрел в окно и понял, что проспал более двух часов. Ну и замечательно. Зато голова отдохнула. Пассажиры в купе полностью сменились. Точнее, кроме Макса в купе был только один старик, который подсел, видимо, уже в Базеле. Старик был одет в национальный костюм, состоящий из бриджей желтого цвета, белой рубашки с короткими рукавами и красной безрукавной курточки. На голове красовалась черная шляпа с короткими полями, за ленту которой был вставлен искусственный цветок. На ногах старика были черные туфли, от которых вверх до самых колен были натянуты белые гетры. Макс изумленно рассматривал старика, так как уже отвык от вида национального костюма. Старик лишь улыбался в пышные совсем седые усы. Потом спросил:

- Вы швейцарец, молодой человек?
- Да, да, швейцарец.
- Наверное, давно не были на родине?
- Признаюсь, очень давно.

Старик больше ничего не сказал. Лишь продолжал улыбаться. Макс осознал вдруг, что он уже почти дома и стащил с полки свой чемодан.

Когда Леон забросил его чемодан в багажник и уселся, наконец, на водительское сиденье, Макс не удержался и спросил:

- Ну что, братец, сохранил тайну моего приезда?
- Безусловно, – твердо произнес брат. Макс же сказал:
- На ферме будем, как я представляю, когда стемнеет?
- Не просто стемнеет, а уже будет глубокая ночь. Только луна будет освещать наш путь.

Еще не забыл, как выглядит луна в горах?

Он, конечно, не забыл, но ничего не сказал, а только вздохнул. Леон завел мотор. Пока ехали по обычной дороге к Альпам, почти не разговаривали. Макс просто смотрел в окно и наслаждался родным ландшафтом. Когда преодолели серпантин горной дороги, отделяющей подножие горы от фермы, было, действительно, уже совсем темно. Леон бесшумно подкатил к ферме и заглушил мотор. Потом сказал:

- Все наши уже давно спят. Как и всегда, рано ложимся и рано встаем. Ты знаешь.

Макс снова вздохнул, Леон же добавил:

– Переночуешь сегодня в моей комнате, а завтра вместе со мной неожиданно выйдешь к завтраку. Вот умора будет. Как тебе это?

– Это, безусловно, будет весело. И мне просто повезло, что в твоей комнате кроме тебя пока никого нет.

Леон понял намек.

– Уже скоро там появится еще кое-кто.

– Неужели это правда, Леон? И кто же она?

– Узнаешь в свое время. Она хорошая девушка. Ее родители тоже фермеры. Так что в нашем полку производителей хлеба насущного планируется пополнение.

Макс вздохнул в очередной раз:

– И это, заметь, очень кстати. Насколько я понимаю, наш дед Стефан уже не может трудиться как прежде. Как он, кстати?

– Сам увидишь завтра. Конечно, он уже не тот, но еще бодрится.

Макс снова вспомнил обер-ефрейтора Пауля Ботта. Тот тоже бодрился, даже пламенные речи произносил.

Когда уже легли и выключили свет, Леон зевая спросил:

– А ты, Макс, не собираешься жениться? Завтра ты наслушаешься от родственников вопросов на эту тему, – Леон немного помолчал и добавил. – И советов тоже.

– Да уж представляю. Конечно, подумываю об этом. Рассчитываю на избранницу, которая будет участвовать в моем деле.

Леон заворочался в постели.

– Скажу честно, Макс, никогда не думал, что ты так долго будешь этим заниматься. Видимо, я ошибался. Раньше я часто думал: "Вот вернется Макс и наша ферма получит второе дыхание". Теперь я уже успокоился и не тешу себя надеждой, что такое когда-нибудь случится. Тебе нравится твоё занятие?

– Пока нравится. Только до сих пор не могу понять, я ли выбрал эту дорогу или дорога выбрала меня. Такая вот, брат, философия вертится в моей голове. А жениться я собираюсь. Только жен пока нет. Не могу опять же понять, я ли их выбираю или они меня. Может быть, ты что-нибудь посоветуешь? Ты слышишь, Леон?

Леон молчал, лишь легкое посапывание доносилось от его постели. Ну да, давно пора спать – на ферме встают рано.

Когда утром, наскоро умывшись, братья спустились в общую столовую, за длинным столом уже сидели все члены фермерского хозяйства. Одну из коротких сторон стола занимал глава семейства и фермерского хозяйства Вильгельм Вундерлих, отец Макса и Леона. Вдоль длинной стороны по правую руку от отца сидели мать, дед Стефан и младший брат отца дядя Томас. По левую руку сидели два наемных работника. Макс отметил про себя, что в прошлый раз это были другие люди. Еще одна работница, молодая женщина по имени Эстель, хлопотала возле стола. Первым появление братьев заметил дед Стефан. Его подслеповатые глаза не сразу заметили, что явившихся двое, и он раскрыл рот, чтобы сказать привычное "Ну вот, Леон, ты снова позже всех.", но так и остался сидеть с раскрытым от неожиданности ртом. Через секунды уже загалдели остальные. Отец пробасил:

– Вот это фокус. Почему не сообщил?

Мать же выбралась из-за стола и бросилась к Максиму. Не сдерживая эмоций, пустила слезу, обняла сына.

– Максик, как же долго ты у нас не был! И ведь, действительно, даже не предупредил...

Макс смущенно топтался на месте.

– Хотел сделать сюрприз.

– И ты его сделал, – прошелестел глухим голосом дед Стефан. – И помог тебе в этом, безусловно, Леон. Вчера куда-то уехал, ничего не сказав. Мы думали, к невесте, а он, оказывается, за сюрпризом ездил.

Тут вмешался отец:

– Ничего страшного не произошло. Даже интересно. Пропустите Макса как почетного гостя поближе ко мне. Все претензии после завтрака, – он улыбнулся и добавил. – Эстель, позаботьтесь о моих сыновьях. Они, пожалуй, голодны как волки.

Когда завтрак был закончен, а Эстель принялась убирать посуду, Вильгельм Вундерлих объявил:

– А теперь все за работу, а вечером устроим праздничный ужин в честь прибытия нашего сыщика. Думаю, моя жена с помощью Эстель организуют для нас это удовольствие.

Все захлопали в ладоши, а Макс подумал: "Все как всегда. Работа в этом доме всегда была на первом месте."

3

В ночь прибытия, когда Макс безмятежно спал в комнате Леона, прошел дождь, и сейчас, когда Макс с дедом после завтрака вышли во двор, альпийское разнотравье благоухало во всю свою мощь, наполняя звенящий воздух волшебным ароматом. Макс даже зажмурился, когда, шумно втянув воздух через нос, обонял давно забытое великолепие. Дед заметил и сказал:

– Я же тебе говорил когда-то, Максик, что ты будешь скучать по всему этому. И никаких тебе преступников. Ты же экономист, мог бы успешно трудиться на семейной ферме, – дед помолчал и добавил. – Скажи, Максик, какие они преступники?

Макс рассмеялся:

– Такие же, как мы с тобой, дед. Ни одного с рогами, по крайней мере мне, не попалось.

– Я помню, в школе ты еще историей увлекался, – старый Стефан остановился, посмотрел зачем-то в небо, потом продолжил. – Хотя, конечно, ни история, ни разоблачение преступников не имеют ничего общего с нашей фермерской возней.

– Ты как-то кисло, дед, отзывался о вашей деятельности. Без вас человечество вымерло бы. Все хотят есть – и преступники, и те, кто их ловит.

Они остановились возле сарая, и дед, широко улыбаясь, вдруг сказал:

– Маскик, ты помнишь, как изучал мои следы возле этого сарая?

– Отлично помню. Я ведь тогда пришел к выводу, что ты хромой.

– Ну да, это было комично. И так было ясно, что я хромой. Правда, ты проверил на практике этот метод... Забыл, как он называется...

– Дедуктивный, дед.

– Вот, вот, дедуктивный, – с трудом произнес старый Стефан.

Макс задумался. Он, наконец, вспомнил, о чем хотел спросить деда. Начал он как бы издали:

– Дед, ты вспомнил об истории, которую я любил. Вот ты мне, например, никогда не рассказывал, откуда твоя хромота. Это тоже своего рода история. Думаю, сегодня подходящий момент, чтобы поведать ее мне.

Старый Стефан никак не ожидал такого поворота в разговоре и неожиданно смутился как мальчишка.

– Это длинная история, Максик.

– Ну и отлично. Пойдем в мою комнату. Надеюсь, она еще существует?

– Конечно, Максик. И даже все твои "шерлокихолмсы" стоят на полках на своих местах.

– Вот и пойдем. У меня тоже есть для тебя кое-что историческое.

Дед недоуменно посмотрел на внука, как в тот раз много лет назад, когда двенадцатилетний Макс излагал ему суть дедуктивного метода.

В комнате Макса дед Стефан сел на маленький диванчик, а внук присел на стул возле письменного стола, за которым много лет назад выполнял школьные домашние задания. Потом Макс развернулся на стуле в сторону деда, немного посидел, глядя на старика в упор, и, наконец, сказал:

– Не буду тянуть кота за хвост, сразу к делу, – Макс вытащил из внутреннего кармана фотографию и иконку. – Скажи, дед, знакомы ли тебе эти вещи?

Дед протянул руку, и Макс вложил в нее оба предмета. Старик не долго рассматривал переданное внуком. Уже через секунды Максу стало ясно, что эти вещи дед видит не впервые.

По лицу деда пробежала легкая тень тревоги, смешанной со смущением. Потом он взял себя в руки и достаточно твердым голосом спросил:

– Максик, ты видел Пауля?

Макс кивнул, а старый Стефан спросил:

– Как это произошло?

– Он сам нашел меня. Обо мне он узнал случайно и решил, что я твой внук. Теперь мне ясно, что это не было ошибкой. Не так ли?

– Да, Максик. И вот тебе сразу ответ на твой вопрос – моя хромота оттуда, из второй мировой. Об остальном тебе наверняка рассказал Пауль.

– Да. Он же мне объяснил, как он попал в вермахт. А вот как попал ты, я не знаю. Господин Ботт лишь сказал, что ты был швейцарским добровольцем. Такое было возможно?

Дед облизал пересохшие губы. В его глазах читались растерянность и явное нежелание касаться этой темы. Потом старый Стефан все же заговорил:

– Что тебе сказать, Максик? Был в те далекие времена такой журналчик... "Сигнал" назывался. В нем даже цветные страницы были. Не все, только небольшая часть, что тогда тоже было редкостью. Это был, так сказать, печатный орган германского вермахта. Журналчик продавался почти во всех европейских странах. О чем там писалось? В основном призывали европейскую молодежь к борьбе против большевизма. Естественно, под началом германского нацизма. Одним словом, зазывали в вермахт. Вот так я и сделался добровольцем. Закончил, как тебе уже известно, в американском плену, а точнее британском. Совсем скоро после освобождения Пауля меня передали туда.

Макс молчал. Все так, как сказал старик Пауль Ботт. Вот еще один старик из тех же времен – и это его дед. Как к этому относиться? Старик Ботт просил не касаться их молодости. А он и не касается. Спросил, потому что о чем-то надо было спросить:

– Дед, ты в то время понимал что-нибудь в этом?

– Не знаю. Сложно для меня это было. Как сейчас помню, что писал этот "Сигнал" о большевистских колхозах. Мне это не нравилось. Я ведь родился на этой ферме и с детства был приучен к крестьянскому труду. Только мы трудились на себя и не представляли себе никаких коллективных хозяйств. Я слышал, что и Россия сегодня распрощалась с такой формой организации крестьянского труда. Как думаешь, Максик?

– Не знаю, дед. Я сыщик. Думаю, моя деятельность одинакова в разных странах. А что ты хотел насчет этого русского?

– Тогда этот случай здорово зацепил меня. Все произошло так неожиданно. За время войны я много стрелял. Не могу сказать, сколько моих пуль достигли цели. Все это было в горячке боя. А тут тишина и вдруг этот русский... Согласись, какая-то нелепость... Окажись я где-нибудь в другом месте, левее или правее, этот русский так и пошел бы себе дальше, а я бы даже не попытался стрелять в него. Да и к чему все это? Войну мы уже проиграли, я уже посмотрелся, к какой бойне привела эта борьба с большевизмом. Не скажу, что я вспылал любовью к колхозам, но смутное осознание, что надо как-то иначе бороться, уже засело в моей башке. А этот Адольф все не унимался, все требовал борьбы до последнего немца, – старый Стефан запнулся на секунду. – Или швейцарца, коли уж я оказался в вермахте... В эти часы мне уже совсем не хотелось умирать, я уже совсем не понимал, за что... Как, наверное, и этому русскому. Я всю жизнь об этом вспоминаю, размышляю, что было тем главным, что побудило меня тогда выстрелить.

– И что же? – напряженно выдавил из себя Макс.

– Страх, Максик. Только страх. Он во многом определяет человеческую жизнь. Это одно из врожденных человеческих чувств.

Пламенная речь деда Стефана закончилась. Он замолчал, сомкнув плотно губы. Еще одна жертва второй мировой. Его внук отчаянно размышлял над следующим вопросом. Только не молчать. Надо что-то спросить.

– Скажи, дед Стефан, ты тогда серьезно считал, что можно отыскать того русского и рассказать родственникам о его последних минутах? Как ты себе это представлял?

– Не знаю. В тот момент это было, наверное, какой-то блажью. Даже если бы получилось кого-то разыскать, что бы я сказал этим людям? Что вот перед ними тот, кто убил их сына, брата или внука, а теперь хочет повиниться? Не думаю, что им стало бы легче от моих слов. А меня они возненавидели бы еще больше. Да, это было, определенно, дурью так думать. Обыкновенная юношеская горячность.

Макс остановил деда жестом. Он понял, что пламенная речь продолжается и это пора прекратить.

– Хватит, дед. Ты и так уже вне себя. История распорядилась так, что ты уже никого не будешь искать – ни ты, ни твой бывший сосед по лагерной яме, который вовремя как эстафету передал эти вещи твоему внуку. Но я тоже этим заниматься не буду. Это не по моей части, хотя и интересно.

Дед Стефан протянул Максу иконку и фотографию.

– Ты прав, Максик. Возьми это и делай, что хочешь. Твой старый дед уже не в состоянии предпринять что-то такое.

Макс взял в руку иконку и внимательно ее рассматривал. Сказал:

– Послушай, дед. Тот русский был лейтенантом...

– Ну да.

– Я читал, что в Красной армии такие вещи не поощрялись...

– Какие?

– Ну как же? Лейтенант и иконка в его полевой сумке.

– Пожалуй, да. "Сигнал" писал, что все большевики безбожники. Однако могли быть исключения. В любом случае, этот лейтенант рисковал.

– Вот именно, – сказал Макс и снова принялся рассматривать иконку.

С задней стороны рамки, точно по ее размерам, была набита тонкая фанерка. Казалось бы, это сделано для усиления нехитрой конструкции. И это было понятно – рамка могла к тому времени рассохнуться, и кто-то ее заботливо укрепил, прибив фанерку мелкими гвоздиками. Макс подцепил фанерку ногтем и понял, что при желании ее можно легко отделить от основной рамки. Им овладело любопытство. Быстро отыскал в ящике стола перочинный нож и подковырнул им фанерку. Она легко отделилась. Под фанеркой он обнаружил бумажку. Бумажка пожелтела не менее, чем фотография, но при более пристальном рассмотрении на ней можно было прочесть надпись по-немецки. Это был почтовый адрес в Германии. Бумажка была с неровными краями и выглядела так, как выглядит фрагмент бумаги, вырванный вручную из более крупного. Сомнений быть не могло – эта пожелтевшая бумажка была именно таким фрагментом, вырванным вручную из почтового конверта.

Дед Стефан с интересом наблюдал за манипуляциями внука. Спросил:

– Что ты там обнаружил, Максик?

– Да вот, дед, кусочек почтового конверта, а на нем адрес в Германии.

– И где же?

– Как ни странно, в Висбадене, а это совсем недалеко от Франкфурта. Правда, сейчас такой улицы может и не быть вследствие ее исчезновения или переименования. Так что неспроста возил лейтенант с собой эту иконку. При удачном стечении обстоятельств он намеревался навестить этот адресок, но...

– Моя пуля остановила его, – перебил дед Стефан и снова помрачнел.

Макс никак не отреагировал на последние слова деда. В его голове вертелись мысли, какие и должны мучить сыщика, когда он сталкивается с непонятной историей – где же здесь состав преступления? Его, безусловно, нет. Очень любопытный факт с исторической точки зрения. Но кто оплатит это любопытство? Он работает не в "колхозе", которых когда-то так боялся дед Стефан. В то же время он понимал, что еще не поставил точку в этом вопросе. Деду же он просто сказал:

– Пожалуй, я заберу эти вещицы. Сегодня, дед, мы с тобой невольно сделали первый шаг в возможном расследовании – нашли любопытную бумажку.

Дед встрепнулся:

– Неужели займешься этим?

– Не обещаю. Скорее всего нет. А старому солдату Паулю Ботту сообщу, что он не ошибся. Встретиться вам, как я понимаю, вряд ли придется.

Непослушная слеза выкатилась из левого глаза деда Стефана. Он быстро утер ее рукой.

– Передай ему, что я не держу на него зла. Пусть поздно, но он все же исполнил данное мне обещание. А встретиться мы можем там... – дед Стефан посмотрел в потолок.

Макс весело сказал:

– Очень хотелось бы, чтобы это "там" существовало на самом деле, – потом добавил. – Не будем, дед, о грустном. Ты еще не забыл о торжественном ужине, который сегодня за завтраком объявил отец?

4

Через два дня после торжественного семейного ужина автомобиль Леона снова отвозил Макса по тому же маршруту, правда, в обратном направлении. В Берне он сел на такой же междугородный экспресс – только в табличках на вагонах поменялись местами начальный и конечный пункты следования. На прощание Леон сказал:

– Всего хорошего, Макс. Помни, что в нашем доме тебе всегда рады.

Он ничего не ответил, только приветливо махал Леону, пока не закрылась дверь. Вошел в купе и ощутил легкую грусть. Чтобы прогнать ее, стал вспоминать родные лица. Это привело к противоположному эффекту. Тогда он стал вспоминать блюда, которые приготовили мать и работница Эстель для праздничного ужина. И тут получалось плохо. Разносолы не вспоминались. На память пришел только его любимый жареный цыпленок под пикантным соусом с гарниром из тушеных грибов с луком, да еще вареная лапша, заправленная маслом и щедро посыпанная настоящим сыром из региона Эмменталь. Он напряг память. Ну да, еще были разные вина... Остальная же еда вспоминалась как нечто, чего было много и вкусно. Безусловно, все было замечательно – в своей холостяцкой жизни он не видит и десятой части того разнообразия. Слово "холостяцкая" сразу же напомнило о куче вопросов, суть которых сводилась к единственному – все хотели знать, когда же он женится. Вот уже и младший Леон на пороге этого события. Он вяло отбивался. Особенно наседали мать. Ей хотелось внуков. Макс улыбнулся про себя. Ничего страшного: если у него ничего не получится, Леон исправит ситуацию. Его детей, пожалуй, застанет даже дед Стефан. Будут у него правнуки, о которых он не преминул, конечно, упомянуть.

Макс откинулся назад и прикрыл глаза. Не помешало бы вздремнуть. Так он посидел минут пять – сон не шел. Перед глазами снова возникли старые солдаты Пауль и Стефан. Макса не покидало чувство, что в этой жизни он их больше не увидит. Они скоро уйдут, а он, сыщик Вундерлих, наверное, еще поживет, но так никогда и не поймет, о чем они думали во времена их молодости. Безусловно, им обоим повезло – они вернулись с той войны. А вот русскому не повезло. И это уже не поправить. Может быть, не надо было тому Стефану из 45-го брать вещи этого русского? Пусть бы его начальство распорядилось ими по своему усмотрению. И зачем Пауль из того же 45-го взял эти вещи у Стефана? Пусть бы они попали к американцам, а те

передали их русским. Но случилось так, как случилось. Все это попало в руки сыщика Макса Вундерлиха. Случайно ли это?

***

Утром следующего дня Макс сидел у себя в офисе и ничего не делал. Новых дел не было, а все старые были закончены. Он поставил на письменный стол уже третью чашку кофе, сел в поворотное кресло и принялся рассматривать клочок пожелтевшей бумажки, вырванной, как он решил, из почтового конверта. Вполне отчетливо можно было прочесть: Германия, Висбаден-Игштадт, Гартенштрассе... Номер дома читался не отчетливо: то ли 6, то ли 8. Но это сейчас не самое главное. Макс зашел компьютерной мышкой. Все-таки великое чудо этот интернет... Хвала его создателю. Курсор забегал по экрану монитора. Вот он план города Висбадена. А Игштадт – его часть. Но в Игштадте нет Гартенштрассе, зато она есть в другой части города. Что за чепуха? Но на то он и интернет, чтобы знать все. Оказывается, до 1955 года Игштадт был самостоятельным городком вблизи Висбадена и в нем была Гартенштрассе. Потом городок влился в Висбаден, в котором уже была Гартенштрассе. Но две Гартенштрассе в одном городе это перебор. Поэтому Гартенштрассе из Игштадта стала Дорнкараштрассе. Ай да интернет! Мышка снова зашелкала, курсор побежал дальше – и теперь все стало на свои места. И вот она Дорнкараштрассе в городском районе Висбадена Игштадт. Замечательно – именно эта улица ему и нужна. А зачем? Потому что кто-то еще до 45-го послал письмо с этой улицы в Россию? Или потому, что оно (точнее его кусочек) непонятным образом оказалось запрятанным в иконку русского лейтенанта? Как это все некстати. А некстати потому, что очень соблазнительно. Но это никто не оплатит. Если решиться на этот отчаянный шаг, то пострадает его личный бюджет. Да еще как! Да еще какая-то Россия, о которой он ничего не знает. Но как все же соблазнительно...

Звонок офисного телефона прервал мучительную схватку с растущим соблазном. И это было кстати. Ведь так и впрямь можно уговорить себя ввязаться в бесперспективное дело. Он взял трубку. До боли знакомый кошачий голос пропел:

- Хай, Максик, это я.
- Не может быть, Мартина. Хочешь повиниться?
- В чем, мой сыщик?
- В том, что после окончания нашего сотрудничества звонила лишь однажды.
- А вот сейчас звоню во второй раз. Так что не все так мрачно.
- Ее не переспоришь. Дело это пустое. Пора сдаваться. Макс взял трубку в другую руку.
- Ну да, все просто замечательно. О чем хочешь поведать?
- У меня к тебе деловое предложение.

Он решил пошутить:

- Неужели решила вернуться? И снова, наверное, за сюжетами? Исписалась уже?
- На этот раз речь исключительно о тебе. Ты же все еще работаешь один?
- Макс оживился. Эта тема занимает его больше. Надо перейти на серьезный тон.
- Один, Мартина, один. Можешь изменить ситуацию?
- Могу кое-что предложить. По телефону я это обсуждать не хочу.
- Намек понял, приезжай. Я один и изнываю от безделья.
- Жди, скоро буду, – закончила Мартина.

Он едва успел сварить пару чашек кофе, как раздалась мелодичная трель звонка, какая врывается в офис каждый раз после нажатия все той же кнопки в бронзовом обрамлении. Он не пошел в темный вестибюль, чтобы встретить Мартину. Просто нажал кнопку на столе – Мартина знает здесь все и даже на ощупь найдет дверь офиса. Тем не менее еще с порога она укоризненно воскликнула:

– Мог бы и встретить бывшую помощницу. Видишь, я не одна.

Он еще не видел этого, потому что пристально смотрел на экран монитора. Услышав же такие слова, быстро поднял голову и глянул в сторону двери. Раскрасневшаяся Мартина держала за руку мальчишку лет трех, который пугливо озирался по сторонам. Макс вскочил и стремительно двинулся навстречу гостям. Мартина, немного остыв, наклонилась к мальчишке.

– Поздоровайся с дядей.

Малыш заученным движением согнул ручонку в запястье и выставил вперед розовую ладошку. Макс рассмеялся и сделал то же самое. Большая ладонь сыщика стукнулась о маленькую малыша. Мальчишка неожиданно расхохотался, а Макс спросил:

– Как тебя зовут, мужчина?

– Макс, – коротко ответил тот, а сыщик вопросительно взглянул на Мартину.

Она, нисколько не смутившись, сказала:

– Да, мой сыщик, в твою честь.

– Мартина, я польщен.

– Я долго колебалась, но мое уважение к тебе перевесило твои грешки.

– И что за грешки?

– В начале нашего знакомства, когда мы еще работали в фирме господина Мюллера, ты так и не определился с нашими отношениями. А ведь тогда этот маленький Макс мог бы быть твоим сыном.

Макс изменился в лице. Разве не она в свое время заявила, что они очень разные, что из их союза не выйдет ничего путного? Хороша! "Лучше" не скажешь. Мартине же сдержанно сказал:

– Послушай, моя писательница, но ведь и ты тогда никак не определилась.

Она парировала в ее стиле:

– Ты мужчина и мог бы повести себя более решительно. Может быть, я бы и сдалась.

– Не хочешь ли ты сказать, что твои отношения с отцом этого замечательного малыша не так уж безоблачны?

– С этим все нормально. Просто вспомнилась история нашего знакомства. Уже ничего не поправишь. Теперь у меня есть этот маленький Макс вместо большого, с которым мы провели немало увлекательных расследований. И вот это – то главное, что назначило мальчишке имя.

– А его отец не был против?

– Ему было все равно.

Макс подумал, что, пожалуй, не все гладко в жизни его бывшей помощницы, но промолчал. Он растерянно оглянулся по сторонам, потом прошел к холодильнику и открыл его. В холодильнике, как всегда, было пусто. Спрашивается: зачем вообще туда заглянул? Сыщик повернулся к Мартине:

– Ты понимаешь, нечем угостить тезку. Не могла предупредить? Только кофе для нас.

Мартина улыбнулась:

– Не вижу в этом ничего нового. Мы ненадолго. В моей сумке найдется кое-что для Макса. А от кофе Макса большого не откажусь.

Они сели на диван. Мальчишка уже освоился и бродил по комнате, с любопытством рассматривая незнакомую обстановку. Заметив, что мать с дядей пьют что-то из чашек, подбежал к Мартине и потянул ее сумку. Мартина достала оттуда маленький бутербродик и сунула в протянутую руку малыша. Он сразу же откусил и продолжил беспечно путешествовать по комнате. Бывшая помощница повернулась к сыщику.

– Теперь некоторое время я ему не понадобится. Оставим пустые воспоминания – перейдем к делу.

Макс улыбнулся:

– Я весь внимание, моя писательница.

Она не стала ходить вокруг да около, а сразу выпалила:

– У меня появилась знакомая. Она студентка юридического факультета. Ей предстоит практика, и она хотела бы пройти ее у частного сыщика.

– Что так? Чем ее не устраивает наша доблестная полиция?

– Она ее, пожалуй, тоже устраивает, но когда она узнала, что я раньше сотрудничала с частным детективом, стала просить о протекции. А я подумала, почему бы и нет. Ты же нуждаешься в помощнике?

– Что тут скрывать, безусловно нуждаюсь. Надеюсь, она не планирует все это документировать, а потом просить меня прочесть?

– Не знаю. Ты можешь сам об этом спросить.

– Как долго она рассчитывает помогать мне?

– Этого я тоже не знаю. Могу только сказать, что человек она ответственный и обстоятельный. Об остальном вы договоритесь без меня. Думаю, она скоро позвонит тебе.

В это время Макс маленький доел свой бутерброд и снова подбежал к матери. Мартина заглянула в сумку и сказала:

– Максик, больше ничего нет. Давай будем собираться. Да и дяде нужно работать.

Сыщик Вундерлих внутренне улыбнулся, и улыбка эта была с оттенком легкой печали. Вот у нее уже и новый Максик появился. Теперь она так будет обращаться исключительно к этому голубоглазому существу со светлыми кудряшками на голове. А старый "Максик" уйдет на второй (или даже на четвертый) план и постепенно исчезнет из ее памяти, чтобы только крайне редко на минутку всплывать там. И только тогда, когда этого пожелает его величество случай... Мартине же он только сказал:

– Не смею задерживать. Рад был пообщаться и познакомиться с твоим новым Максиком. Кстати, передавай привет его отцу. А звонок от твоей знакомой буду ждать с нетерпением. Правда, ты так и не сказала, как ее зовут.

– Она сама все о себе расскажет. В ее биографии есть факты, которые могут показаться тебе неожиданными.

– Сгораю от любопытства.

– Не сгори до ее прихода, – в привычном стиле ответила Мартина. Потом сказала малышу, который уже нетерпеливо дергал ее за руку:

– Максик, попрощайся с дядей Максом.

Две ладони – большая и маленькая – снова стукнулись друг о друга – и дверь за гостями затворилась. Через уже закрытую дверь Макс расслышал, как Мартина сказала малышу:

– Давай руку, Максик. Здесь у дяди Макса, как всегда, полумрак.

Других звуков больше не было, и он понял, что Мартина с сыном успешно выбрались на улицу. Зачем она притащила с собой малыша? Не с кем оставить? Или это сигнал ему? Тогда о чем этот сигнал? Ответа не было.

Макс опустил в кресло и уставился на экран монитора. Там по-прежнему висел план города Висбадена. Мысленно он представил себе минимальную часть тех действий, которые следует предпринять, чтобы как-то справиться с "задачей двух старых солдат". Так он уже окрестил набор эпизодов из второй мировой, преподнесенный девяностолетними стариками Паулем Боттом и Стефаном Вундерлихом. Навскидку рисовалась уйма мелких задач, причем он даже не представлял, с какого конца браться при решении некоторых из них. Нет, с этим пора кончать. Все это пустая блажь. Более того, у него, вероятно, скоро появится помощница, а там и новые клиенты подтянутся – с новыми конкретными делами.

Та осенняя ночь выдалась ветреной, и младший городской Василий Вдовин, поживаясь, ускорил шаг. Зима еще не наступила, но ночной московский воздух уже был насыщен вербально невыразимыми признаками ее приближения. Несмотря на суконную шинель, одетую поверх суконного же мундира, холод проникал невидимыми путями в тело Василия, заставляя его мелко подрагивать. В ночной тиши сапоги городского гулко стучали по мостовой. Территория вверенного Василию поста пролегла недалеко от Большой Дмитровки, включая в том числе Богословский переулок с расположенной в нем церковью Святителя Григория Богослова.

Когда Василий в очередной раз миновал главный вход в храм, он настолько замерз, что верхний ряд зубов против его воли постукивал по нижнему. "Почти как в карауле," – подумал городской, который совсем недавно закончил срочную армейскую службу. Он остановился и поглубже натянул круглую мерлушковую шапку с полицейской бляхой на ее тулье. Этого оказалось мало – и Василий поверх шапки натянул суконный башлык, при этом в поле бокового зрения Василия снова попал главный церковный вход. Ему показалось, что кто-то выскользнул из двери и, сбежав по ступенькам, быстро растаял в ночной тьме. Василий развернулся в сторону входа в храм и некоторое время пристально смотрел в этом направлении. Вокруг не было ни души. Должно быть, показалось. "От такого холода и не то померещится," – подумал Василий, но все же двинулся ко входу. В это время в церкви должен был быть только ночной сторож Лукич. Василий знал его в лицо. Городской медленно поднялся по ступенькам. На ночь Лукич всегда запирает дверь изнутри. Сейчас же из-за двери выбивалась наружу узкая полоска света. Это могло означать одно – дверь не заперта. Василий легонько потянул за ручку и понял, что так оно и есть. Он приоткрыл дверь так, чтобы можно было просунуть голову, и громко прокричал имя Лукича. Никто не ответил – только эхо гулко отозвалось из глубины церковного зала. Робея, Василий вошел в храм и, пугаясь звуков собственных шагов, осторожно продвинулся на несколько метров. Он еще раз тихонько позвал Лукича. Не получив ответа, потоптался на месте, потом сделал несколько шагов влево к кануну⁷⁾. Вокруг кануна был полумрак, так как все свечи, поставленные прихожанами, к этому часу догорели, и на это место попадал лишь свет от паникадила. Василий сделал еще шаг и почувствовал, как его сапог уперся во что-то мягкое. Он вздрогнул и посмотрел под ноги. В полумраке острый глаз рассмотрел лежащее тело человека. Василий присел и тогда понял, что это Лукич. На голове сторожа зияла огромная рана. Старик был мертв.

Младший городской распрямился и, крестясь и трясясь от страха, попятился к двери храма. На крыльце он достал полицейский свисток и изо всех сил принялся свистеть. При этом он то отбегал от храма, то снова приближался к нему. Пока Василий был в храме, он немного согрелся, и теперь зубы его стучали меньше, но пришла нервная дрожь. Чтобы унять ее, Василий начал бегать быстрее, но проклятая дрожь не уходила.

Первым на свист прибежал городской с соседнего поста Петр Спиридонов. Это был мужик лет тридцати пяти, плотный и высокого роста. Он деловито прокричал:

– Чего тут у тебя, Васька? Чего рассвистелся?

Не переставая дрожать, Василий показал на дверь храма и, потянув Петра за рукав шинели, увлек его за собой. Когда Петр увидел мертвое тело Лукича, он ничего не сказал, лишь сделал движение правой рукой, будто собирался почесать затылок, но вспомнив, что на его голове мерлушковая шапка, снова опустил руку. Он вывел Василия на крыльцо и сказал:

– Я здесь побуду, а ты, Васька, дуй в участок, расскажи там все и проси, чтобы разыскали околоточного. Да побыстрее. С ним сюда и вернешься.

Василий Вдовин вернулся с околоточным лишь через полтора часа. Околоточным надзирателем был Никанор Старостин – толстый мужик с бородой и усами. Через правое плечо околоточного под погоном проходила черная юфтевая портупея, к которой была прикреплена пашка драгунского образца с темляком. На оранжевом шнуре болтался револьвер системы "Смит и Вессон". Голос у околоточного был зычный и властный. Он сразу же проорал:

– Спиридонов, что тут у вас? Упустили убийцу?

Городовой Спиридонов пытался сказать, что это не его пост, а Васьки Вдовина, но околоточный только махнул рукой:

– Ведите уж.

Когда все трое вышли из церкви на крыльцо, околоточный Старостин принялся рассуждать:

– Не понятно, за что убили сторожа. Что плохого он мог кому-то сделать? Да и какую раницу нанесли! Убийца, наверняка, был здоровенным детиной.

– Не обязательно, господин околоточный. Мог быть и человек вполне обычной комплекции, но если вооружить его соответствующим орудием убийства... – попробовал вставить Петр Спиридонов, но немедленно был прерван околоточным:

– Хватит разглагольствовать, Спиридонов. Пинкертон ты наш... – потом околоточный повернулся к Василию, который уже успокоился и перестал дрожать. – Как думаешь, Вдовин, за что могли убить старика?

– Ну как же, господин околоточный? Верно, помешал кому-нибудь?

– В чем помешал?

– Скажем, украсть что-либо...

Ответ младшего городского Вдовина понравился околоточному Старостину, и он сказал:

– Пожалуй, верно. Только что можно было украсть в этой церкви?

Ободренный словами околоточного Василий сказал:

– Со служителем надобно говорить, господин околоточный. Тот здесь все знает. Возможно, и было что стянуть. Вы же знаете, тянут все, что плохо лежит...

Околоточный надзиратель Никанор Старостин потоптался на месте, потом посмотрел в небо:

– Пока мы тут бегали да гадали, что и как, и ночь прошла. Скоро уж появится кто-то к утренней службе. С ним и побеседуем. Ты, Спиридонов, возвращайся на свой пост, а мы с Вдовиным здесь подождем.

Утро выдалось туманным, и редкие фигуры первых прохожих имели размытые очертания. Василий Вдовин первым заметил фигуру лица духовного сана – его черное одеяние словно выплыло из жидкого молока тумана. Постепенно приближаясь, контуры фигуры становились четче. Вот уже можно было рассмотреть и черную скуфью на голове человека. Радостно Василий сказал:

– Дождались, господин околоточный. Кто-то в рясе движется к храму.

Околоточный Старостин завертел головой и, заметив человека, радостно воскликнул:

– Однако глазастый ты, Вдовин.

Завидев полицейских на крыльце храма, человек в рясе взбежал по ступенькам и тревожно спросил:

– В чем дело, господа полицейские?

Околоточный Старостин сразу же взял дело в свои руки. Спросил:

– Кто вы, святой отец?

Святой отец оказался нестарым человеком, был он худощав, среднего роста, светлая бородка торчала клинышком. Глубоко посаженные серые глаза тревожно смотрели из-под скуфьи. Сказал:

– Диакон церкви Святителя Григория Богослова Илья Федоров.

– Беда, святой отец. Убит церковный сторож. Пойдемте туда. Думаю, придется отменить сегодняшнюю службу.

Когда диакон Илья увидел мертвое тело сторожа Лукича, он мертвенно побледнел и сказал:

– Господин околоточный, не могу представить, за что убили старика. Он ведь и мухи не мог обидеть.

– Может быть, хотели что-то украсть, а сторож под руку попался? Как думаете, святой отец?

– Церковь наша бедна, приход небольшой... Что здесь можно украсть? Хотя постойте... Есть у нас одна вещица. Пойдемте со мной.

Диакон повел полицейских куда-то в глубину левой части храма. Он шел быстро, и околоточный с Василием, плохо ориентируясь в полумраке, едва поспевали за ним. Остановившись возле одной из колонн, диакон ахнул. Потом быстро заговорил:

– Так и есть, господин околоточный! Вот на этой колонне у нас был закреплен золотой канделябр на четыре свечи.

– Так уж и золотой, святой отец?

– Точно не знаю, но безусловно позолоченный. Кроме того особая ажурность литья. Но главное не это, – диакон почему-то закатил глаза. – Это подарок церкви от царской семьи.

Околоточный Старостин дернулся всем телом. Дело принимало серьезный оборот. При упоминании царской семьи с ним едва не случился обморок. Как у всякого служаки чиновничества и благоговение перед высшими сановниками империи занимало в его жизни не последнее место. Он подошел поближе к колонне.

– Святой отец, как крепился здесь этот канделябр?

Диакон посмотрел внимательно на поверхность колонны и сказал:

– Было специальное крепление, господин околоточный, но похоже, что канделябр оторвали вместе с креплением.

Старостин раскрыл рот. Его предположение, что вор был недюжинной силы, подтверждалось.

Диакон сказал:

– Скоро, господин околоточный, придет священник. Вы сами ему обо всем расскажете?

– Да, мыждемся его.

Когда пришедший священник был посвящен в суть ночного происшествия, задал один единственный вопрос:

– Что прикажете делать, господин околоточный?

– А что тут непонятного? Службу отменить. Остаться здесь до прихода дознавателя. И главное! Пока что держать язык за зубами. Вдруг удастся быстро задержать вора. Одним словом, сейчас за дело возьмется полиция. Возобновите службу только после наших указаний.

Когда околоточный и городской вышли на крыльцо храма, Старостин сказал:

– Вот такие дела, Вдовин. Ничем хорошим это для нас не закончится.

6

Небольшой особняк Павла Николаевича Севрюгина располагался на Мясницкой улице. Особняк не был столь представительным как, например, особняк Степана Рябушинского на Малой Никитской улице или усадьба Красильщиковых на Моховой. Павел Николаевич знал меру и понимал, что ему не угнаться за этими воротилами текстильного производства. Был он промышленником средней руки и владел в Москве несколькими не очень крупными текстильными мануфактурами. Павел Николаевич усвоил в жизни один важный принцип – чем выше взлетишь, тем больнее будет падать.

Так и жил небедный человек Павел Севрюгин с женой и двумя дочерьми в своем не самом представительном, но вполне комфортном особняке, которому иные могли просто позавидовать. Была у Павла Николаевича одна страсть – он любил красивые вещи. А если оказывалось, что такая вещь еще и старинной непростой работы, то тогда фабрикант Севрюгин не мог спокойно спать, пока вещица не оказывалась в его коллекции. Об этом знали многие обладатели подобных вещей и тащили в дом Севрюгина все, что блестит и сверкает, всякий раз, когда

желали поправить пошатнувшееся финансовое положение. Однако не всякая вещь покупалась Севрюгиным. За долгое время он набил руку и неплохо разбирался, что и к чему. Провести его "на мякине" было невозможно. Всему он знал цену, а покупку этих вещей считал выгодным вложением капитала. При всей своей добропорядочности (так считал сам Севрюгин) ему иногда приходилось совершать сделки с людьми, не в полной мере соблюдающими закон. Не то, чтобы это были откровенные воры или бандиты... Нет, это были люди (как называл их Севрюгин) не совсем чистые на руку. И ведь часто случалось так, что именно у таких людей оказывалась та или другая вещь, при виде которой коллекционера Севрюгина охватывал неукротимый трепет. И каждый раз, совершив сделку с подобными людьми, Павел Николаевич божился, что это в последний раз.

Через два дня после происшествия в церкви Святителя Григория Богослова фабрикант Севрюгин находился в собственном особняке и отдыхал после трудового дня. Дела на фабриках шли неплохо, и Павел Николаевич после сытного ужина решил предаться любимому досугу. Как не трудно догадаться, он занялся очередной ревизией своей коллекции. Собственно, ревизией это не являлось. Просто Павел Николаевич рассматривал предметы коллекции, вспоминал, как он заполучил тот или иной и насколько удачными были сделки. Когда он держал в руке предмет, который приобрел выгодно, улыбка играла на его лице и он мысленно представлял, сколько сегодня мог бы выручить за него и какова будет прибыль. От удовольствия он даже поглаживал предмет рукой, любовно скользя пальцами по диковинным формам и размышляя над тем, как это удалось мастеру. Когда же он брал в руки предмет, покупка которого была не столь выгодной и была совершена исключительно из-за особого изящества изделия, улыбка сходила с лица Павла Николаевича и он просто прикидывал, через сколько лет продажа вещи может принести неплохую прибыль. Эти "ревизии" были столь упоительны для Севрюгина, что в такие часы домочадцы не смели без видимой нужды беспокоить главу семейства. И даже если причина для беспокойства казалась достаточной, осмелившемуся на это приходилось выслушать недлинное, но веское нравоучение хозяина.

Павел Николаевич поставил очередной предмет на отведенное для него место и опустился в кресло, чтобы предаться общим размышлениям о своей коллекции и коллекционировании вообще. В дверь кабинета постучали.

– Войдите, – не очень приветливо отозвался Севрюгин.

Дверь приоткрылась, и в проеме возникло лицо служанки. Извиняющимся тоном сказала:

– Павел Николаевич, некто господин Суконцев просит принять его.

Севрюгин недовольно поморщился, но не принять Прохора Суконцева он не мог. По сути дела тот был скупщиком краденого, но добропорядочный Севрюгин шарахался от подобных терминов и называл про себя Прохора торговцем вещами непонятного происхождения. Это не меняло сути дела, но как-то облегчало душу Павла Николаевича. Но не принимать же Прохора здесь в кабинете, где находится все богатство Севрюгина. Служанке он сказал:

– Передай ему, чтобы ждал меня в холле, я сейчас приду.

Служанка удалилась, а Севрюгин открыл ящик стола, взял там несколько банкнот различного достоинства, положил их в боковой карман бархатного халата и направился в холл, предварительно заперев кабинет ключом, который он достал из другого кармана.

Прохор Суконцев стоял посреди холла, скрестив руки за спиной. На нем был брезентовый дождевик с капюшоном, который он стащил с головы, как только увидел Севрюгина. Павел Николаевич спросил:

– Что там, Прохор, дождь?

– Да уже ближе к снегу, Павел Николаевич.

– Что там у тебя?

– Как всегда, Павел Николаевич.

– Показывай, – Севрюгин подал знак рукой.

Прохор расстегнул дождевик, под которым на ремне была холщовая сумка. Расстегнув сумку, он вытащил из нее что-то увесистое и протянул Севрюгину со словами:

– Вот, Павел Николаевич, канделябр такой.

Севрюгин взял в руки вещь и начал ее рассматривать. Канделябр был приличного веса и сделан был для четырех свечей. Опытный глаз коллекционера Севрюгина оценил изящество работы. Он еще раз взвесил в руке предмет и спросил, как бы рассуждая:

– Бронзовый?

– Золотой, Павел Николаевич.

– Ну ты, Прохор, даешь! Ладно бы сказал позолоченный. Что ты за него хочешь?

Прохор Суконцев затоптался на месте. Он не хотел продешевить, но в то же время боялся, что хитрый Севрюгин может выставить его за дверь, если он запросит слишком много. Севрюгину были знакомы эти трюки. Он вытащил из кармана несколько банкнот и сказал:

– Вот столько могу дать.

Прохор засопел от негодования:

– Побойтесь бога, Павел Николаевич, – потом, помолчав, добавил. – Человек, у которого я приобрел вещицу, сказывал, что когда-то она принадлежала царской фамилии.

– Так уж и царской? – парировал Севрюгин, одновременно подумав, насколько дороже становится вещь с такой историей.

Прохор засопел еще больше:

– Этот человек божился, Павел Николаевич.

– Знаю я цену заверениям твоих снабженцев! – ответил Севрюгин, но достал из кармана еще несколько банкнот и передал Прохору со словами:

– Все, братец, больше не дам.

Прохор пожевал губами, спрятал деньги и, застегнув дождевик и натянув капюшон, сказал:

– До следующего раза, Павел Николаевич.

Когда за Прохором закрылась дверь, Севрюгин, прикрывая канделябр полой халата, направился в кабинет, произнося на ходу:

– Согласился, видишь ли. Не будь там для него прибыли, не взял бы этих денег. Знаю я вашего брата.

Вечером следующего дня супруга спросила Севрюгина:

– Паша, ты слышал новость?

– Какую, моя радость?

– Ограбили церковь Святителя Григория Богослова, что в Богословском переулке.

– И что же взяли?

– Ходят слухи, что какой-то золотой канделябр.

Павел Николаевич вздрогнул.

– Ну, народец, уже до церквей добрались.

Супруга помолчала, потом вздохнув, добавила:

– При этом, сказывали, сторожа убили.

– Кто сказывал? – раздраженно вскричал Севрюгин.

– Не знаю. Ходят слухи...

– Вот видишь, слухи, а ты всему веришь.

Павел Николаевич быстро прошел в кабинет и запер дверь изнутри. Он взял в руки зло-счастливый канделябр о четырех подсвечниках и долго на него смотрел. Добропорядочная часть души Севрюгина шептала ему, что надобно бы пойти в полицию и все рассказать, но другая часть души коллекционера и коммерсанта противилась этому. Колебался он недолго: достал из шкафа плотную тряпицу, завернул в нее канделябр и положил в самый глубокий сундук,

прикрыв его сверху ненужными старыми вещами. Затолкав, наконец, сундук в самый дальний угол кабинета, Павел Николаевич опустил в кресло и вслух произнес:

– Если богу будет угодно, все обойдется.

Он встал, вздохнул и покинул кабинет.

Шел 1913-й год.

7

Знакомая Мартины позвонила через три дня. Она сразу же сказала, что звонит с разрешения господина Вундерлиха, переданного через его знакомую Мартину Хайзе. Представилась она как Катрин Бергер. Голос ее совсем не был похожим на кошачье мяуканье Мартины, а напоминал скорее мягкое жужжание пчелы, несуетно выбирающей цветок для посадки. Сыщик Вундерлих подсознательно отметил, что голос этот принадлежит более молодой женщине по сравнению с его бывшей помощницей. Потом он подумал, что это обязательно так, ведь студентка в возрасте Мартины почти нонсенс. В трубку же он сказал:

– Да, это так. У меня был разговор с фрау Хайзе. Желаете встретиться или уже передумали?

– Что вы, господин Вундерлих, конечно желаю. Только не знаю, когда это для вас удобно.

Последнее жужжание закончилось, и Катрин Бергер замолчала. Макс задумался, перебирая в памяти последние мелкие планы, которые собирался реализовать. Все это было не очень важным и все это можно было отложить. Он уже почти открыл рот, чтобы продолжить разговор, как жужжание возобновилось:

– Господин Вундерлих, куда же вы пропали? – сказала Катрин тревожным голосом.

– Никуда не пропал. Я здесь. Могу с вами встретиться прямо сейчас.

– Тогда я выезжаю.

– Найдете мой офис?

– Да, фрау Хайзе мне все объяснила.

Одежда на ней оказалась обычной для студенческой молодежи, и сыщик только отметил про себя, что коленки ее джинсов, к счастью, не разодраны варварским образом. Ростом она была немного выше Мартины, серые глаза смотрели спокойно и приветливо, светлые волосы были пострижены под каре (такую стрижку он видел в каком-то журнале и запомнил ее название), небольшой носик и пухлые губы, стройная фигура. В общем она была "ничего", и Макс с удивлением поймал себя на том, что оценивает кандидатку с чисто половой точки зрения. Он усадил ее на диванчик и некоторое время смотрел в ее глаза. Гостья выдержала его взгляд и, решив, пожалуй, что встреча необходима в первую очередь ей, заговорила первой:

– Меня зовут Катрин Бергер, мне двадцать восемь лет и я учусь на юридическом. Я специализируюсь на следовательской деятельности. Мне предстоит практика, и я хотела бы пройти ее у вас.

Макс молчал, размышляя. Во-первых двадцать восемь лет для студентки по немецким меркам вполне нормально. Во-вторых, он отметил ее акцент и не пришел ни к какому выводу в отношении ее родного языка. В-третьих, он не владел никакими классическими знаниями в отношении ее специализации. А в-четвертых, ему позарез нужна помощница и совсем не важно, в чем она специализируется. Он уже давно убедился в двух вещах: любимая им с детства холмсовская дедукция в его расследованиях находила крайне редкое применение, а вот упорное терпение и его величество случай часто приводили к окончательному успеху. Кандидатке же он сказал следующее:

– Фрау Бергер, я не заменяю вам университетских профессоров, потому что не имею юридического образования как такового. Я, конечно, проходил специальное обучение, и, признаюсь, это заняло около трех лет. Без этого в Германии невозможно зарегистрировать частное сыскное агентство. Некоторым юридическим азам нас, конечно, учили, но этого недостаточно,

чтобы учить других. Поначалу я набил немало шишек, прежде чем набрался опыта. Сегодня я чувствую себя, безусловно, увереннее, но повторяю: когда-то я учился на экономиста и стал им. Жизненные обстоятельства сложились так, что моя бухгалтерская деятельность внезапно была прервана по причинам, от меня не зависящим. И лишь потом я стал частным сыщиком.

Она внимательно слушала и, когда он сделал паузу, сказала:

– Фрау Хайзе рассказывала, что об этом поприще вы мечтали с детства.

Макс же подумал о том, какие еще подробности его биографии могла донести бывшая помощница до студентки юридического факультета. Так как узнать об этом не представлялось возможным, просто сказал:

– Это правда. Детское увлечение было сильным. В жизни все оказалось не так, как это описывалось в детективных историях, прочитанных в детстве и юности.

Потом он помолчал немного, рассчитывая на то, что кандидатка тоже пожелает что-то произнести, но она вежливо молчала. Макс продолжил:

– Возможно, Мартина рассказывала вам, что я швейцарец и в Германии оказался по воле случая?

– Да, – коротко ответила она.

– Как мне кажется, ваша родина также где-то в другом месте.

– Намекаете на мой акцент?

– Скорее, пытаюсь определить, какой язык для вас родной.

– И что же получается?

– Вы грассируете как француженка, но вряд ли ею являетесь. Я знаю французский и акцент французов, когда они говорят по-немецки.

– Весьма занимательно, господин Вундерлих. Вы не первый, кто говорит мне такое. В моем родном языке твердое "р" и, видимо, поэтому мое грассирование на немецкий лад приводит к тому, что слышите вы. Пожалуй, это уже не исправить.

– И не надо. Звучит совсем неплохо, в какой-то степени оригинально. Так ваш родной язык польский?

– Не угадали, господин Вундерлих. Мой родной язык русский.

Это было неожиданно. До сих пор он не встречался с русскими. Тот факт, что в далеком его детстве на их ферме проживал один русский, вряд ли можно было считать достойным упоминания. Тот русский общался исключительно с родителями, и Макс не было до него никакого дела. И вот перед ним настоящая русская.

– Так вы русская?

– Не совсем так. Моя мать русская, а отец немец, – она на секунду замолчала. – Точнее, как здесь говорят, русский немец. Вы слышали о таких?

Макс покраснел:

– Признаться, фрау Бергер, нет.

– Странно, ведь таких, как я, в Германии много. Русские немцы уже давно начали переселение в Германию.

– Видимо, то, что я из Швейцарии, каким-то образом оставило этот факт за границами моего внимания, а среди моих клиентов русские еще не встречались. Но думаю, если мы начнем сотрудничать, вы заполните мои пробелы в этой части немецкой жизни.

Она рассмеялась, показав два ряда безупречных зубов, а он решился спросить:

– Вы замужем, фрау Бергер?

– Нет, – коротко ответила она.

Макс предложил кофе. Она с радостью откликнулась на предложение. Он спросил разрешения закурить, она с удовольствием составила ему компанию. Макс это не очень понравилось. После Мартини он часто думал, что, появившись в его жизни новый помощник и снова жен-

щина, хорошо бы было, чтобы она не курила. Тогда бы это как-то ограничило его собственное пагубное пристрастие. Видимо, и в этот раз не получится. Сделав несколько затяжек, сказал:

– Фрау Бергер, вы уже поняли, что моя деятельность не совсем вписывается в каноны тех знаний, которым вас учат в университете. Однако случаи, с которыми приходится сталкиваться, порой очень занимательны. У вас еще не пропало желание практиковаться у меня?

– Напротив, господин Вундерлих, я очень хотела бы попробовать. Когда выходить на работу?

Он расхохотался.

– У меня не придется отсиживать с 8-ми до 17-ти. Еще одна особенность моей деятельности: работаем, сколько нужно и когда есть работа.

Она удивленно взглянула на сыщика. Макс сразу же пояснил:

– Да, работа есть не всегда. Это должно быть вам понятно. Сейчас как раз такой период. Так что, "выйдете", когда я вам позвоню. Но не думайте, что ждать придется долго. В этой жизни каждый день что-нибудь случается.

Она засобиралась, а Макс обвел блуждающим взглядом офис: сейф, ширму, за которой скрывался его хозяйственный отсек, окно на шумящую Шиллерштрассе. Взгляд заскользил по компьютерному столу и задержался на фотографии, переданной ему стариком Паулем Боттом. Он едва удержался, чтобы не хлопнуть себя по лбу.

– Фрау Бергер, прошу вас задержаться еще ненадолго!

Она улыбнулась и снова присела на диванчик. Ему пришлось коротко пересказать историю с убитым в 45-м русским. Потом он прошел к столу, взял фотографию и передал ее Катрин Бергер.

– Этот русский в нижнем ряду слева. А на обратной стороне фото есть записи. Попробуйте прочесть.

Катрин перевернула фото и внимательно изучала записи. Ей потребовалось совсем немного времени, чтобы сказать:

– Господин Вундерлих, здесь все просто. На снимке выпускники Московского высшего технического училища 1939 года. Разумеется, не все. Видимо, только одна группа по какой-нибудь специальности. Кстати, это одно из престижных учебных заведений России. Существует и сегодня. Человека, который вас интересует, зовут Федор Спицын.

Почему-то растерянно сыщик посмотрел на кандидатку и медленно произнес:

– Точнее, звали. Действительно, все просто, когда знаешь язык, на котором это написано.

Она испытующе посмотрела на Макса:

– Надеюсь, вы не собираетесь заняться этим, пока ваши клиенты только готовятся к походу к вам?

Ему стало почти стыдно, но он все же возразил:

– А что здесь особенного, даже пожелай я этим заняться?

– Я рассуждаю так. Этот человек погиб в 45-м. Еще раньше он попал на фронт. Он был тогда совсем молод, и, вполне вероятно, не оставил после себя потомства. А вся остальная его родня скорее всего уже вымерла. Вот если бы кто-то вздумал заняться этим тогда, то этот человек, возможно, отыскал бы кого-нибудь. Но случилось так, как случилось. Разве я не права?

Макс молчал. Ей не откажешь в логике. Как легко какая-то студентка разбила его легкомысленные планы! И она, пожалуй, права. Чтобы как-то парировать, сказал:

– А если он оставил потомство? Я, фрау Бергер, верю в его величество случай.

Все так же логично она ответила:

– Безусловно, это исключать нельзя. Но разве вы возьметесь за это? Как я поняла, вы не финансируетесь государством. Если бы вы были каким-нибудь шейхом из Арабских Эмиратов, могли бы, конечно, на досуге заняться этим. Из исторического, так сказать, интереса.

И тут она права. Догадалась, что он не купается в деньгах, приносимых ему сыском. Ему осталось только сказать:

– Если бы я был шейхом, наверное, не стал бы частным сыщиком.

Она вдруг улыбнулась:

– Мне предстоит поездка в Россию. Еще не знаю точно, когда. Попутно я попробовала бы что-то выяснить. Мне тоже интересно, можно ли от случайно всплывших через много лет фактов протянуть ниточку в прошлое. Тем более, что эти факты не касаются важных исторических персон, а относятся к простым историям простых людей. Но только попутно, господин Вундерлих. Никаких высокозатратных начинаний.

Ему начала нравиться его новая помощница. Он уже был в нее почти влюблен – пока не за ее женские качества, а исключительно по причине ее неоспоримой логики, так необходимой в их деле. Молодец Мартина: она прислала неплохую замену себе.

Новая помощница снова встала с диванчика. Уже почти покинув офис, Катрин Бергер обернулась и сказала:

– Мне вот что пришло в голову, господин Вундерлих. Вы ни разу не подумали о том, что подобные расследования могут привести к нежелательным последствиям? – спросила она так, как будто поинтересовалась, что он ел сегодня на завтрак.

Макс дернулся всем телом.

– Что вы имеете в виду, фрау Бергер? Вы словно пытаетесь нагнать на меня какой-то мистический ужас.

– Ничего особенного, Россия – страна непредсказуемая.

– Надеюсь, не более, чем остальное человечество. Взгляните на карту, фрау Бергер. В какое место на ней ни ткни пальцем, попадешь в зону конфликтов – больших или малых.

– Речь идет не о военных и политических конфликтах, а о потемках русской души.

– Я не верю, фрау Бергер, в особенности человеческих душ в связи с их этнической принадлежностью, – он немного помолчал и добавил. – Равно как сомневаюсь в приписываемой душе природе. Я верю в разум.

Она снова улыбнулась загадочной улыбкой, а он подумал о том, что смысл этой загадочности пока ему не доступен.

***

Катрин Бергер ушла, посеяв смятение в его душе, о существовании которой он несколько минут назад так неопределенно высказался.

Тем не менее, в его жизни наметился некоторый поворот. И как бы там ни было, у него снова появится сотрудница, с которой можно будет посоветоваться в тяжкие минуты раздумий над очередным ходом в каком-нибудь новом расследовании. А новые расследования не заставят себя ждать. И нужно сейчас думать о них, а не об удовлетворении собственного исторического любопытства. Вот даже неопытная студентка аккуратно сообщила, что дело не стоит выеденного яйца. И ведь как поразительно точно она схватила его собственные сомнения, терзающие его всякий раз, как только он начинал думать об этом русском, убитом в 45-м. Одним из миллионов других русских и нерусских. Она мягко так сказала, что ей это тоже интересно. Это понятно – не хотела обидеть нового шефа. Почувствовала его готовность броситься головой в омут, не считаясь с последствиями!

Макс взял в руки фотографию, некоторое время рассматривал ее, потом, потянув выдвижной ящик стола, положил ее туда рядом с иконкой, которая долгие годы хранила адрес, с которого когда-то было отправлено письмо в далекую Россию.

8

Когда в конце февраля 1917 года новости о революционных выступлениях в Петрограде докатились до Москвы, здесь тоже началось революционное брожение. Павел Николаевич Севрюгин с восторгом "бродил" вместе с другими представителями его класса, счи-

тая, что революция принесет новые возможности таким промышленникам, как он. Севрюгин даже поучаствовал в революционном митинге возле гостиницы "Метрополь". Нацепив на грудь красный бант, Павел Николаевич с трудом протиснулся поближе к трибуне, где выступал очередной оратор, стянувший с головы шапку и энергично "рубивший" воздух правой рукой. Севрюгин пытался понять, подтвердят ли слова выступавшего его собственные мысли о новой жизни. Слышно было плохо, и Павел Николаевич попытался еще ближе протиснуться к трибуне, но натолкнулся на широкую спину мужика, который совсем не желал посторониться, чтобы пропустить Севрюгина. Более того, мужик с сердитым лицом развернулся в сторону размечтавшегося буржуа, скользнул взглядом по его недешевой одежде и сказал:

– Вот царя сбросили, а скоро и буржуев начнем резать.

Эти слова неприятно поразили Севрюгина и он, не переставая, думал о них по дороге домой. Когда он переступил порог своего особнячка, решение уже было принято. Павел Николаевич крикнул супруге:

– Голубушка, надо уезжать!

Марья Никитична Севрюгина всплеснула руками.

– Куда, Паша?

– Ты еще спрашиваешь! Как все – в Париж.

Супруга бурно возразила:

– Что-то я не слышала, чтобы все уже собирались.

Павел Николаевич сверкнул глазами:

– Когда услышишь, поздно будет. Именно сейчас, пока еще тихо. Через полгода, думаю, все завертится.

– Что завертится, Паша?

– Не понимаешь? Буржуев резать будут, – ответил Севрюгин словами мужика с митинга.

Последние слова мужа оказались для Марьи Никитичны более доходчивыми, и она, пустив слезу, заикаясь спросила:

– А как же все нажитое? За что мы в твоём Париже жить будем?

– Капиталы я уже перевел в иностранные банки. Все ценное заберем с собой.

– Как же ты заберешь наши мануфактуры?

Павел Николаевич подивился вдруг проявившейся хозяйственности супруги. До сих пор она ни разу не продемонстрировала своей озабоченности делами мужа – напротив, вместе с дочерьми успешно тратила доходы, приносимые текстильным бизнесом. Спокойно ответил:

– Попытаюсь продать. Много за это уже не возьмешь, но что ж..., – Павел Николаевич нервно сунул руки в карманы так и не снятого теплого пальто. – Когда речь идет о сохранности головы, приходится чем-то жертвовать.

Супруга снова пустила слезу, к ней присоединились дочери. Севрюгин топнул ногой:

– Довольно! Начинаем собираться. И держите язык за зубами!

Перепуганная Марья Никитична почти завопила:

– А на чем же мы поедем, Пашенька? Война ведь.

– Железные дороги работают. По Николаевской до Петрограда, оттуда с Варшавского вокзала на Норд-Экспрессе сначала по Варшавской ветке до станции Вержболово, а оттуда по Прусской восточной дороге через Берлин до самого Парижа. Не пропадем, голубушка. Капитал – он везде капитал, и у немцев, и у французов...

Успокоенные главой семейства домочадцы принялись за сборы. Они заняли две недели. Это время в основном было потрачено на споры матери и дочерей о том, что брать с собой, а что оставить. Павел Николаевич молча наблюдал за этим, но в женские разборки не вступал. Закончив официальные дела, он то и дело наведывался в собственный кабинет, где подолгу размышлял, что делать с его личным богатством. Кое-что он продал, но оставалось много вещей, расстаться с которыми было выше сил Павла Николаевича. И он тщательно упаковывал каж-

дый предмет, который занимал свое место в одном из прочных чемоданов "Самсон", приобретенных Севрюгиным задорого по такому случаю. Однажды, забыв о существующем в доме запрете, супруга без стука вошла в кабинет. Павел Николаевич как раз занимался упаковкой канделябра о четырех подсвечниках. Он сверкнул глазами, а Марья Никитична, уставившись на канделябр и словно вспомнив что-то, прошептала:

- Паша, уж не тот ли это канделябр?
- Какой – не тот? – вспыхнул Севрюгин.
- Из церкви Святителя Григория Богослова.
- С чего ты взяла?
- Тогда ходили слухи, что именно четыре подсвечника имел тот церковный канделябр.
- Ну и что? Мало ли канделябров с четырьмя подсвечниками? Не лезь не в свое дело. Но супруга продолжала твердить:
- Еще ходили слухи, что он когда-то принадлежал императорской семье...

Павел Николаевич резко обернулся:

- Где он, твой император? Не слыхала, что он отрекся от престола?

Павел Николаевич взял Марью Никитичну за плечи, развернул ее в сторону двери и легонько подтолкнул. Она поняла, что разговор закончен, но перед самой дверью вдруг снова повернулась лицом к супругу.

- Кстати, все забываю спросить. А как же наш дом? Ты его тоже продашь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.